

Ван Шэншэн почувствовала, как щёки заныли от такого обращения, и ей безумно захотелось ещё раз укусить Ли Цзиньвэй. К сожалению, перед лицом абсолютной силы ей оставалось лишь отпустить колкости:

— Не твоё дело, мне каждый год по восемнадцать!

— Что-то не похоже, — Ли Цзиньвэй отпустила её, подняла палец и покачала им из стороны в сторону. — В паспорте у тебя двадцать четыре, а коэффициент интеллекта — всего четвёрка.

—? — Ван Шэншэн усмехнулась. — Ой, ну да, ну да, твой-то интеллект на высоте. Во всяком случае, деньги и чувства обманом вытянули не из меня.

— Классическое обвинение жертвы, — возразила Ли Цзиньвэй.

Ван Шэншэн парировала:

— Ну и где тогда возвращённые деньги?

При упоминании об этом нервы Ли Цзиньвэй невольно дёргались.

Позже все дела по розыску и отслеживанию средств были полностью переданы Ло Сукэ. У этой её давнишней подруги имелись кое-какие связи: родители работали в полиции, а среди родственников были юристы. По логике вещей, подступиться к подобному делу было довольно просто.

Вся сложность заключалась в том, что Фэн Сиюй раньше постоянно расплачивалась картой Ли Цзиньвэй, плюс между ними существовала тесная романтическая связь. Из-за этого вторая сторона до последнего стояла на своём, утверждая, будто все эти деньги были «подарком» от Ли Цзиньвэй. И хотя Ли Цзиньвэй бесчётное число раз всё отрицала, в банковских выписках действительно значились взаимные переводы и история трат.

К тому же у семьи Ло Сукэ хватало других служебных забот, и они не могли бросить все силы на это дело. Разбирательства, судебные заседания — всё затянулось туда-сюда и перенеслось на этот год.

— Вообще-то вам следовало заявить в полицию в тот же миг, — Ван Шэншэн пошла заварить себе овсяное молоко с, маленькими глотками попивая его из чашки. Она даже не заметила, как на губах остался толстый белый слой. — Семьсот тысяч — не такая уж маленькая сумма. Она совершила преступление, это экономическая статья: минимум пять лет, максимум десять.

Направление беседы было вполне правильным и серьёзным, но Ли Цзиньвэй, напротив, отвлеклась — ей хотелось лишь слизать этот молочный ободок с её губ.

Верно. Сидя здесь с величественным и благопристойным видом, она на самом деле думала лишь о невыразимых пикантных сценах.

Фэн Сиюй отдавалась ей ради выгоды, поэтому они занимались этим считанные разы — если подсчитать, реже, чем Ван Шэншэн препиралась с ней.

Внутри Ли — сдержанной, суровой, напористой и мужественной — Цзиньвэй бушевали нешуточные страсти. Не в силах высказать это вслух, она обратила желание в действие: протянув руку, она вытащила две салфетки и довольно резко стёрла с губ Ван Шэншэн этот соблазнительный и неосознанный след.

— Ай-яй-яй-яй... полегче! — поморщившись, девушка с недовольным видом опустила чашку и возмутилась: — У тебя что, руки-лопаты? Чего такая сила-то!

При этом она полезла проверить бушующие руки Ли Цзиньвэй и, разглядывая их, забормотала себе под нос:

— Ого, а линия карьеры-то какая глубокая...

Когда она говорила, от неё исходило едва заметное дрожащее дыхание, которое прямо-таки угодило в самую ладонь Ли Цзиньвэй. От этого волна возбуждения накатила снизу вверх, распространяясь по всему телу от зудящего места так, будто его кусали муравьи.

Эт... просто... смерти... подобно!

Ли Цзиньвэй резко сжала кулак и отдернула руку:

— За работу!

— Никто же не звонил в звонок! — Ван Шэншэн сочла её поведение странным.

Ли Цзиньвэй помрачнела:

— В ночную смену нужно наводить порядок. Думаешь, достаточно просто посидеть здесь? Пока народу мало, чего ждёшь?

— Только половина третьего, куда спешить-то?

— Считаю до трёх, если не пойдёшь — лишу премии за полную посещаемость.

— Больна...

Ван Шэншэн без всякого энтузиазма вытащила из подсобки метлу и принялась мести с туалета, делая всё спуская рукава и оставив на полу россыпь дынной шелухи.

Тут как раз Мо Чэн возвращался из уборной. Проходя мимо, он окинул её оценивающим взглядом и, убедившись, что это именно она, съязвил:

— Ого, барыня уборкой занялась?

Ван Шэншэн страшно разозлилась и огрызнулась:

— Не твоё собачье дело.

Мо Чэн посмотрел на неё и выдал:

— Будь я сестрицей Вэй, я бы тебя немедленно уволил.

— Ты ей что ли? Возомнил себя императором, раз потратил пару юаней? Есть смелость — закинь на счёт пару десятков тысяч! Отойди, мне мести надо!

Язык у неё был подвешен отлично, и желание Мо Чэна сделать наперекор взлетело до небес. Он широко расставил ноги и остался стоять на месте:

— А вот и не отойду! Погляди-ка на себя: ничего не умеешь, даже пол подмести толком не можешь. С чего это сестрице Вэй возиться с тобой? Сколько она тебе платит? Больше, чем Туцзы? У Туцзы целых четыре тысячи, а я думаю, тебе — максимум тысячу, больше и не заслужила, а дашь больше — в убыток уйдешь...

Чего?! Ван Шэншэн замерла, забыв про последовавшие следом гадости, и недоверчиво подняла голову:

— У Туцзы всего четыре тысячи? А у Кин?

— У Кин? — Мо Чэн выпучил глаза мёртвой рыбы, почесал затылок и растерянно произмолвил:
— Разве у Кин есть зарплата? Чего-то я не слышал...

—... — слов не было, одно молчание.

Мо Чэн хотел было продолжить язвить, но Ван Шэншэн не стала тратить на него время: бросив метлу, она побежала к стойке администратора — устраивать разбор полётов.

— Ли Цзиньвэй!

Хозяйка ещё не отошла от недавнего прилива чувств, как Ван Шэншэн неожиданно набросилась на неё.

Мягкая грудь прижалась к её руке, объятия были крепкими:

— Спрашиваю тебя, ты что, платишь мне повышенную зарплату?

Ли Цзиньвэй не решилась отстраниться и изо всех сил постаралась сохранить напускное спокойствие:

— Какая ещё повышенная, изначально было шесть тысяч.

— Врёшь! — Ван Шэншэн сильно дёрнула её за рукав. — Тогда скажи, сколько получает Туцзы?

— ...Четыре тысячи... с небольшим?

— С какого перепугу мне платить так много?

— Ни с какого. Ты пашешь больше неё.

Ван Шэншэн не выдержала:

— Ты вообще нормальная? Туцзы с тобой уже пять лет, а ей платишь четыре тысячи, мне же отваливаешь шесть! Тогда за какое хреново дело ты меня прогнала в прошлый раз?

Ли Цзиньвэй не изменилась в лице:

— Прогнала тебя потому, что ты сморозила глупость. До сих пор не уловила, в чём была права, а в чём нет?

Вообще-то уловила... Нет, стоп!

— Так за какие заслуги мне платят шесть тысяч?!

Ли Цзиньвэй опустила голову, склонила её набок, и её кончик носа почти уткнулся в лоб девушки:

— Барышня Шэншэн, ты часом не больна? Тебе платят шесть тысяч, а ты ещё и недовольна?

Ван Шэншэн тут же разжала руки.

Ноша с плеч исчезла, и Ли Цзиньвэй с сожалением погладила себя по руке, поясняя:

— У Туцзы дома культ сыновей и презрение к дочерям, а сама она характер имеет мягкий: сколько ни дай, всё отберут на поддержку её никчёмного младшего братца. Часть её зарплаты переводится на карту, а остальное выдаётся наличными в конце года.

Вот оно как...

Ван Шэншэн тихонько протянула:

— А я-то думала...

Ли Цзиньвэй уперлась руками о стойку и подалась вперед:

— И что же ты думала?

— Ничего. Пошла я дальше мести, пока-пока.

Мо Чэн всё так же стоял неподвижно, а Ли Цзиньвэй, глядя, как Ван Шэншэн возвращает себе метлу и крайне неумело выводит ей гигантские круги, не удержалась и тихо усмехнулась.

На всё пригородное Наньчэнское побережье была лишь одна интернет-кафешка «Инновационный ураган», но поскольку район относился к городу первой линии, зарплаты последние годы неизбежно росли вслед за ценами.

Поначалу у Туцзы и впрямь выходило меньше четырёх тысяч, а после того, как она отдавала всё семье, ей самой поесть толком не хватало. Тогда Ли Цзиньвэй придумала выход: выплачивать жалование пополам. Наличные не позволяли устроить проверку, зато помогали хоть что-то скопить — двух зайцев одним ударом.

Она понимала, в чём именно заблуждалась Ван Шэншэн.

Пережив тяжёлый удар судьбы, Ван Шэншэн стала похожа на пуганую птицу: она боялась чужой жалости, а ещё опасалась чувств самой Ли Цзиньвэй.

Между ними витало тонкое, хрупкое чувство, которое никто не осмеливался назвать своими именами. Но разве могут столь чувствительные создания оставаться в неведении относительно внешнего мира?

Ли Цзиньвэй делала вид, что ничего не понимает, и отчаянно всё отрицала.

Раз та боится — значит, она будет притворяться.

Вот только когда всему этому придёт конец? Подумав об этом, хозяйка раздраженно взъерошила волосы.

Ну кто станет с ходу тереться о человека подобным образом? Тьфу ты, кто вообще такое выдержит? Ли Цзиньвэй была уверена, что даже самая натуральная гетеросексуалка не смогла бы сдержаться.

Она признавала: её предвзятость простиралась до самого Тихого океана.

Прошлый работник, паренёк старательный и усердный, трудился не покладая рук, и в клубе всегда было чисто — однако Ли Цзиньвэй платила ему всего три тысячи.

Лишь заметив, до чего же он безотказен, она подняла ему оклад до пяти с небольшим. К сожалению, едва миновал испытательный срок, как он устроился на работу в центральном районе.

Молодежь редко задерживалась в старых кварталах, а уж отыскать кого-то вроде Ли Цзиньвэй, кто годами сидел на одном месте, наслаждаясь тихой жизнью, и вовсе было невозможно.

Ни великих идеалов, ни грандиозных мечт у неё не имелось. Окружающие вечно звали её поучаствовать в каких-нибудь мероприятиях ради поднятия популярности, но она лишь кивала на словах, никогда не доводя дело до конца.

Сходив разок на чемпионат, она превзошла всех техникой, но уступила в медийности, и в итоге, завоевав награду, оказалась задвинута прессой на задний план.

Ли Цзиньвэй была из тех людей, кто умеет довольствоваться малым. Хотя она и обожала работу, размеры заработка её мало волновали: лишь бы хватало на жизнь, жадности в ней отродясь не водилось. Если уж попытаться сформулировать её заветное желание, то, пожалуй, оно сводилось к тому, чтобы провести жизнь спокойно и мирно, избегая любых распрей.

Подобное тому, что устроила Фэн Сиюй, повториться уже не могло. Больше всего ей было даже не из-за семисот тысяч, а из-за растоптанного доверия и искренности. Если бы не способность привязываться к людям, Ван Шэншэн ни за что не осталась бы здесь.

Сочувствуя полному одиночеству Ван Шэншэн, она решила принять её и окружить заботой.

В другом конце «Инновационного урагана», в углу кабинки, Ван Шэншэн мела пол спустя

рукава: её мысли были далеко. Ей безумно хотелось спросить Ли Цзиньвэй, почему та относится к ней с таким теплом.

Выходцы из влиятельных семей лишены лишних привязанностей, и в нужный момент они способны предать даже кровных родственников. Хотя клан Ван жил дружно, а саму Ван Шэншэн вырастили чистой душой, она собственными глазами видела братоубийственные войны и жестокую грызню за власть — зрелища поистине жуткие.

Многие хитроумные заговоры поначалу казались безупречными, включая и крах дома Ван, который, по слухам, рухнул как раз из-за предательства в собственных рядах.

Пусть в самом начале случались и ссоры, и недомолвки, Ли Цзиньвэй пришла за ней. Под дождём, с раскрытым зонтом — она до сих пор помнила, как капли падали на женские серёжки, а густая дымка размывала решительные черты лица.

Пусть Ли Цзиньвэй язвила напропалую, вела себя развязно и отличалась лёгким синдромом восьмиклассника, если вдуматься, Ван Шэншэн не столкнулась ни с унижениями, ни с обидами — даже в присутствии Оу Цзяхао и Мэн Чжи.

С запоздалым прозрением она перебрала в уме всё, но так и не смогла постигнуть замысел Ли Цзиньвэй: богатств у неё не осталось, а семейство Ван обанкротилось.

Раз ей не нужны ни деньги, ни выгода, остаётся только... красота?..

Ван Шэншэн испугалась собственной догадки и так резко вздохнула, что едва не задохнулась.

Сквозь приглушённый свет стеклянная дверь отделяла её от Ли Цзиньвэй, позволяя лишь через узкий просвет разглядывать фигуру в чёрной футболке за стойкой.

Слова Ли Цзиньвэй всё ещё звучали в ушах, то затихая, то усиливаясь, словно ветер:

— Я люблю женщин, изволь одеваться прилично.

— Соблюдай личные границы, не давай мне повода для ложных надежд.

— Мою ориентацию не стоит делать вид, будто ты не замечаешь...

В сердце Ван Шэншэн совершенно неожиданно родилось дерзкое предположение: неужто она и вправду положила на неё глаз?..

Стеклянная перегородка отражала всё внутри кабинки, в том числе и лицо самой девушки.

С малых лет ей без устали твердили, какая она хорошенькая, прелестная и обладающая утончённой красотой. Но все эти похвалы пролетали мимо ушей — когда находишься на таком положении, стоит родиться хоть свиньей, всё равно найдутся льстецы.

Но Ли Цзиньвэй была совсем другой!

Ван Шэншэн не могла толком объяснить, в чём именно заключалась эта разница, но отчего-то...

На душе вдруг стало легко и спокойно.

<http://bllate.org/book/22059/2293721>